

Теории, концепции, парадигмы

Идеологические пролегомены теории деятельности

С.Ф. Сергеев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-44-61

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматриваются и анализируются возникшие под влиянием господствовавшей в Советском Союзе идеологии марксизма-ленинизма особенности системно-методологического и понятийного базиса психологической теории деятельности. Показан процесс вращивания догматов марксизма-ленинизма в каноническую форму деятельностного подхода под видом не требующего научного подтверждения научного знания. Возникавший при этом псевдонаучный дискурс служил усилению позиций идеологов административно-хозяйственной системы, находивших «объективные подтверждения» истинности учения Маркса в данных психологической науки. Научная среда, подвергаемая идеологической трансформации, пыталась защититься от деструктивного влияния идеологии, порождая особые формы отношений в научно-психологической среде, что вело к борьбе и противостоянию научных школ и коллективов. В результате идеологической экспансии психологическое знание превратилось в некоторой мере в инструмент борьбы административно-командной системы с научным инакомыслием. Это отчетливо проявилось в дискуссии по результатам Загорского эксперимента (эксперимента «загорской четверки»), в котором была сделана некорректная, с элементами фальсификации, попытка формирования человеческой психики у слепоглухих от рождения. Влияние идеологии прослеживалось и в противостоянии научных школ в физике, генетике, биологии и физиологии. Обсуждаются перспективы развития и новые направления деятельностного подхода в психологии, возникшие после исключения из его системно-понятийного базиса идеологием развитого социализма. Появляются психологические концепции, использующие системные представления, отражающие неклассические и постнеклассические формы научной рациональности. Делаются попытки создания и исследования моделей психики, разработанных в рамках концепций организованной сложности, с использованием теоретических конструкций и представлений, включающих понятия аутопоэтической самоорганизации и эволюции.

Ключевые слова: теория деятельности, идеология, системный подход, самоорганизация, сложные системы.

Сергеев Сергей Федорович – доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

s.f.sergeev@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6677-8320>

Для цитирования: *Сергеев С.Ф.* (2019) Идеологические пролегомены теории деятельности // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 5. С. 44–61. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-44-61

Ideological Prolegomena of the Soviet-Russian Activity Theory

S.F. Sergeev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-44-61

Original research paper

Abstract

The article examines the system-methodological and conceptual foundations of the psychological activity theory that arose in the Soviet Union under the influence of the ideology of Marxism-Leninism. The author demonstrates the process of incorporation of Marxism-Leninism dogmas into the canonical form of the activity theory as a scientific knowledge that does not need any scientific confirmation. The pseudoscientific discourse that arose at the same time served to strengthen the position of the ideologists of the bureaucratic system, who found “objective confirmations” of the truth of Marx’s teachings in the data of psychological science. The scientific community, subjected to ideological transformation, tried to defend itself from the destructive influence of ideology, giving rise to special forms of relations in the scientific and psychological environment, which led to the struggle and confrontation of scientific schools and groups. As a result of ideological expansion, psychological knowledge has become to some extent a tool for the bureaucratic system to overpower scientific dissent. That was clearly manifested in the discussion on the results of the Zagorsk experiment, in which an incorrect, partially falsified, attempt was made to prove the development of the human psyche of children born deaf and blind. The influence of ideology can also be traced in the confrontation of scientific schools in physics, genetics, biology and physiology. The article discusses prospects and new trends in the development of the activity theory after

exclusion of the ideological concepts of Soviet socialism from its system-conceptual foundations. We observe the formation of new psychological concepts that reflect non-classical and post-non-classical forms of scientific rationality. Attempts are made to create and study the models of the psyche developed within the framework of the theory of organized complexity and the concepts of autopoietic self-organization and evolution.

Keywords: activity theory, ideology, system approach, self-organization, complex systems.

Sergey F. Sergeev – D.Sc. in Psychology, Professor at the Saint Petersburg State University.

s.f.sergeev@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6677-8320>

For citation: Sergeev S.F. (2019) Ideological Prolegomena of the Soviet-Russian Activity Theory. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 44–61.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-44-61

Введение

В истории отечественной психологии XX в. трудно найти более известную, популярную, внешне понятную всем и каждому, но в тоже время глубоко незавершенную и противоречивую теорию, занимавшую в свое время умы ведущих представителей марксистской философии и психологии, чем теория деятельности. Долгое время она считалась основным достижением советской философии и психологии, являясь одновременно и идеологическим инструментом, и одним из догматов религии гуманитарных наук советского периода. Правда, понимание этого факта наступило значительно позже вместе с распадом советского идеологического аппарата и последовавшим в связи с этим снижением давления научной бюрократии на науку. Однако и в настоящее время данная тема считается непубличной, по-прежнему действует табу на критику идеологии эпохи развитого социализма, хотя главные лица и исполнители того времени уже не с нами. Это сдерживает развитие научного базиса российской психологии и самой теории деятельности как научной системной концепции, объясняющей формы и механизмы психической активности человека в его отношениях с миром и обществом.

Влияние идеологии на психологическую теорию деятельности

О драматической истории появления и развития постулатов теории деятельности пишет в одной из своих последних опубли-

кованных статей профессор СПбГУ Г.В. Суходольский, известный специалист в области психологии деятельности, приходя к неожиданному и довольно жесткому выводу: «психологическая теория деятельности, приписываемая А.Н. Леонтьеву, оказалась фикцией. Он сам не оставил четкого изложения хотя бы основ этой теории» [Суходольский 2006, 330]. Далее следуют еще более серьезные оценки: «после кончины А.Н. его сын А.А. Леонтьев и еще два уважаемых психолога независимо попытались реконструировать основные положения леонтьевской теории деятельности. И получилось три разных варианта» [Суходольский 2006, 330].

Оставим категоричность и порою излишнюю эмоциональность в оценках на совести Г.В. Суходольского. Он имел на то полное моральное право, будучи автором обобщенной психологической теории деятельности [Суходольский 1988] и активным участником битвы идей того времени, к сожалению, часто переходившей в противостояния научных школ. Однако недовольство понятийным строем и идеологизированными версиями теории деятельности А.Н. Леонтьева и его соратников независимо друг от друга в разное время высказывали и многие другие представители психологической науки и практики [Джонс 2009; Дубровский 1994; Орлов 2003; Лекторский, Гараи 2015; Платонов 1972; Смирнов 1993].

В теории деятельности нет единой, принятой всеми версии. Канонический вариант теории, приписываемый А.Н. Леонтьеву, им самим не воспринимался как завершенная научная теория. Будучи достаточно серьезным и ответственным человеком, он понимал ее излишне выраженную идеологическую направленность и публично никогда не подчеркивал своего авторства в теории деятельности, представляя ее как результат коллективной работы, а себя позиционировал лишь одним из участников процесса создания [Иванников 1999]. Тем не менее, именно вариант Леонтьева можно считать основным, т.к. он присутствует практически во всех работах, посвященных деятельностному подходу в психологии. Имеется ряд редакций теории, предложенных учениками и последователями А.Н. Леонтьева, в которых отражено их личное авторское понимание обсуждаемой темы. Можно сказать, что это довольно разные формы системных представлений, хотя и объединенные общим понятием «деятельность». Отметим, что многие авторы советского периода, касаясь темы деятельности, старались подчеркнуть свою связь именно со школой Леонтьева.

Это давало им определенное социальное положение и особый статус в психологической науке того времени.

Спецификой гуманитарных наук советского периода являлась их практически полная зависимость от идеологии властной административно-командной системы, основанной на вульгарных интерпретациях положений материалистической философии и идеологии марксизма. Ее влияние пронизывало все сферы социальной жизни и практики, накладывая особый отпечаток на отношения в обществе между представителями разных профессиональных и социальных групп, придавая им ритуальный вид. Например, существовала особая форма изложения текстов научных трудов и докладов. Работа должна была начинаться с цитат классиков марксизма-ленинизма с обязательным упоминанием «исторических решений» съездов коммунистической партии. Это было незыблемым правилом. Нельзя было говорить о чем-либо иначе, чем это предписывали официально признанные авторитеты, представляющие известные научные школы. Многие деятели науки были вынуждены представлять свои работы как попытки «развития и углубления» теорий, созданных в процессе коллективной научной деятельности. «Социальное» довлело над «индивидуальным» в полном соответствии с марксистской теорией общественного развития. Навешанные идеологией марксизма-ленинизма формы поведения и изложения научных результатов культивировались и соблюдались не только в научной среде, но и тиражировались в общественном сознании средствами массовой информации и пропаганды, формируя образ «советского ученого — строителя коммунизма». Наряду с очевидным негативным влиянием на науку и научную среду в целом, данные ритуалы по отношению к конкретным ученым нередко давали положительный результат, оберегая их от репрессий, гонений и чисток со стороны административной системы. Надо сказать, что большинство ученых того времени понимало не только условность и очевидную абсурдность навязываемых правил игры, но также и то, что если они пусть и формально соблюдались, то открывался путь к свободе творчества, подкрепляемой солидным финансированием со стороны государства.

Практически каждый крупный психолог на определенном этапе развития своей научной карьеры выдвигает собственную «теорию всего». Это вполне логично и естественно в силу синтетического, обобщающего индивидуальный опыт исследователей, характера

психологии. Чтобы теория приобрела статус «подлинно научной», автор советского периода должен был показать естественнонаучные, марксистские «корни» своего творения и обосновать его принадлежность к «истинным», официально признанным научным и философским доктринам.

Безусловным авторитетом в советской академической психологии 50-х годов был А.Н. Леонтьев, который победил в политико-идеологическом в своей основе споре С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского, получив в 1949 г. благословление от заведующего Отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданова. Это дало ему формальное право долгие годы представлять от имени государственной власти Московскую школу психологии [Леонтьев 2003; А.Н. Леонтьев... 1983]. Леонтьев, являясь членом коммунистической партии, «никогда не делил работу на партийную, научную, педагогическую и т. д. Партийностью были проникнуты все формы его деятельности, а выступления на партийных собраниях отличались деловитостью, принципиальностью и остротой постановки вопросов...» [А.Н. Леонтьев... 1983, 26]. Справедливости ради надо признать, что А.Н. Леонтьев смог с помощью идеологизированной, в значительной мере догматической формы теории деятельности оградить членов Московской научной школы психологии от негативного влияния официальной советской идеологии, создав внутреннюю среду для роста и развития научного знания. Достижения этой школы в области теоретической психологии неоспоримы и, безусловно, являясь значительным вкладом в отечественную и мировую науку.

Развитие психологии в условиях идеологических ограничений требовало решения не только научных задач, но и политических и административных вопросов. О непростых отношениях основателей теории деятельности с властью и друг с другом написано много [Орлов 2003; Братусь 2013; Зинченко 1993; Леонтьев, Леонтьев 2003], хотя следует заметить, что их судьба была достаточно типичной для научной и творческой интеллигенции эпохи классовой борьбы. Время было жесткое, требовалось умение выживать и побеждать в любых условиях.

В результате ко второй половине прошлого века в Советском Союзе при активной научной и административной деятельности Ленинградской и Московской (с Харьковским периодом [Зинченко 2013]) научных школ, их лидеров, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, была создана устойчивая, в значительной мере идеологизиро-

ванная, концепция психологического изучения и объяснения человеческой созидательной активности. Она получила название «теория деятельности», и явилась, на наш взгляд, в известной мере компромиссом между научной психологией, коммунистической идеологией и материалистической философией. Результатом этого, по нашему мнению, искусственного объединения стали некоторая научная ограниченность и, в известной мере, догматичность и незавершенность теории, что наиболее остро ощущались в научной среде 70–80-х гг. прошлого столетия и отражено в содержании научных дискуссий того времени [Суходольский 1988]. С этим же, по-видимому, было связано и некоторое охлаждение интереса к теории деятельности, наступившее в 90-е гг. XX в. с началом перестройки.

Вместе с тем теория деятельности оказалась не столь безобидным продуктом советской идеологии, как могло показаться на первый взгляд. Ее активное внедрение в практику строительства социализма сопровождалось процессами активной борьбы с инакомыслием и несогласными. Ярким образцом, иллюстрирующим борьбу представителей деятельностного подхода с их оппонентами, явился Загорский эксперимент, посвященный воспитанию слепоглухих от рождения. По мнению адептов классического деятельностного подхода, участвовавших в научно-идеологическом и практическом обосновании и реализации данного проекта (В.В. Давыдов, Э.В. Ильенков, А.Н. Леонтьев), человеческая психика формируется только через предметную деятельность, а речь возникает и успешно развивается на основе этой деятельности. Именно это и было доказано в Загорском эксперименте. Однако в дальнейшем было показано, что данные и процедура эксперимента были искажены и сфальсифицированы в угоду господствовавшим в то время идеологическим догмам [Дубровский 2018]. Как это ни парадоксально, но спустя 50 лет после окончания дискуссии о Загорском эксперименте мы наблюдаем возрождение старых идеологем и догм теории деятельности и попытки придания им научного статуса, несмотря на факты, свидетельствующие об обратном. Современные интерпретаторы деятельностного подхода пытаются найти черты нового знания в построениях классиков теории деятельности, стремясь придать им статус теоретического базиса психологической науки. Мы вдруг обнаруживаем черты неклассической релятивистской психологии в культурно-исторических построениях Выготского [Асмолов 1997], хотя их там нет.

Избежать идеологического влияния на психологию, осуществляемого механизмами государственной власти на этапе зарождения и развития деятельностного подхода, было практически невозможно в силу политических и социальных реалий тоталитарного общества. Отметим, что идеология оказала негативное влияние не только на гуманитарные науки, но и на развитие физики, физиологии и генетики.

Как ни парадоксально, источниками догматизма в науке являются научные школы и слепая вера в существование конечной истины, культивируемая в научных коллективах. В этом отношении действие механизмов научной веры такое же, что и механизмов веры религиозной. Они формируют адептов возникающих форм отношений к знаниям, питая и радикализируя борьбу научных школ между собой. Об использовании идеологических методов в борьбе между советскими научными школами в теоретической физике пишет А.С. Сонин [Сонин 1994]. Аналогичные процессы преследования идеологически чуждых ученых вплоть до уничтожения целых научных направлений и школ прошли в биологии и генетике (лысенковщина и мичуринская биология) [Александров 1992], нейрофизиологии (борьба со школой Х.С. Коштоянца). Кибернетика была названа «реакционной лженаукой». Догматизация коммунистических представлений в идеологии впоследствии привела к расколу коммунистического движения, породив конфликты между «братскими» странами.

Со временем теория деятельности стала терять статус «единственно верного учения» и перешла из катехизиса номенклатурного социализма в арсенал обсуждаемого живого психологического знания. Разработка новых, «свободных от идеологии» версий психологической концепции деятельности продолжалась непрерывно во время перестройки, до и после распада Советского Союза, и в постперестроечной России (В.Г. Асеев, В.П. Зинченко, А.В. Карпов, Е.Н. Сергиенко, Г.В. Суходольский и др.). Это был непростой и противоречивый процесс освобождения психологии от старых идеологических пут с одновременным формированием новых, пришедших к нам из-за рубежа вместе с постулатами идеологии западного «свободного мира». Деидеологизация психологии происходила неравномерно, с разной скоростью и степенью успешности, сопровождаясь повышенным вниманием со стороны психологической общественности к тем или иным импортированным научным течениям.

Распад научной ткани советской психологической науки в период перестройки уничтожил наряду с идеологией и организующий вектор ее развития, заключенный в теории деятельности. Отдельные частные точки зрения на деятельность и ее структуру, локальные психические феномены, формы поведения и т.д. стали приобретать статус самостоятельных теоретических построений часто невысокого качества. Возникла известная девальвация теоретического знания в психологии [Журавлев, Ушаков 2011].

Идеологические корни классической теории деятельности и начала постнеклассической теории

Основы представлений о деятельности лежат в немецкой классической философии и связаны, прежде всего, с гегелевским объяснением разумной активности человека, структурирующего мир. По мнению Гегеля, это результат действия духа как нематериальной рационализирующей мир разумной субстанции. Отрицавший идеализм марксизм удалил из этой схемы понятие духа (лишив психологию предмета изучения) и стал считать саму деятельность организующим началом человеческой активности. В сущности, речь стала идти об особых свойствах системы, включающей человека как демиурга, активного деятеля и творца. В известной мере можно говорить о теории самоорганизации и самоорганизующихся систем, но эта ветвь системного подхода, к сожалению, в то время не смогла развиваться по идеологическим причинам, связанным в известной мере с ограниченным механистическим, марксистским пониманием категории «система».

Понятие деятельности, по меткому утверждению классика советского системного подхода Ю.Г. Юдина, явилось попыткой создания «универсальной характеристики человеческого мира» [Юдин 1978, 272]. С помощью категории «деятельность» основатели деятельностного подхода попытались решить проблему зарождения психики и объяснения возможностей человеческого разума во всех его формах и проявлениях. Базовыми работами в данном направлении стали сочинения К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» [Маркс 1955] и «Экономическо-философские рукописи» [Маркс 1974]. Из них следовало, что только посредством активного взаимодействия с реальностью человек преобразует природу и себя, наделяя смыслом мир, с которым он сталкивается в своих восприятиях. Отсюда и революционный призыв Маркса: «Фило-

софы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс 1955]. Только присваивая формы человеческой деятельности, человек становится разумным существом, выходящим за рамки животного мира.

Идеи философского материализма нашли своих сторонников и последователей в советской психологии, став ее официальной мировоззренческой базой. Истоки психологической теории деятельности лежат в работах Э.В. Ильенкова [Ильенков 2009] и А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1975], сформировавших понятийный каркас классического варианта теории, дополненный в настоящее время множеством расширений, свидетельствующих о существовании различных вариантов созидательной активности человека и о проблемах теории деятельности. По мнению В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова, «в Советском Союзе существовало две парадигмы психологии: культурно-историческая и психологическая теория деятельности, создаваемые одними и теми же людьми. Для первой из них, заложенной в трудах Л. С. Выготского, центральной проблемой была и остается проблема опосредованности психики и сознания, в то время как для второй, интерпретирующей труды Маркса, – проблема предметности как внешней, так и внутренней психической деятельности» [Зинченко, Моргунов 1994, 103]. В.П. Зинченко считал теорию деятельности продуктом тоталитарной системы [Зинченко 1993]. Данная точка зрения была поддержана позже в работе А.Б. Орлова, считающего, что после разрыва в начале 30-х годов Выготского и Леонтьева последний создал теорию деятельности, которая «утеряла контакт с индивидуальной жизнью, индивидуальным бытием человека, с переживаниями как универсальным контекстом, сохраняющим человеческую целостность. И в силу этого она оказалась в тупике. Более того, она завела в тупик всю советскую психологию» [Орлов 2003]. По мнению Орлова, культурно-историческая теория Выготского оказалась более жизненной, но тогда «она лишь “затаилась на время”» [Орлов 2003]. Питер Джонс полагает, что теория деятельности основана на «ошибочном толковании марксовской концепции деятельности (или труда), равно как и его метода исследования» [Джонс 2009]. С его взглядами корреспондируется мнение Д.И. Дубровского, утверждающего, что «“деятельностный подход” выражал позиции ортодоксальной марксологии, питал ее ультрасоциологизаторские установки. Отсюда отрицание роли природных, в том числе генетических, факторов в формирова-

нии личности, получившие широкое распространение, и видимость незыблемой марксистской истины благодаря стараниям многих философов и психологов, особенно А.Н. Леонтьева» [Дубровский 1994, 7–8].

Попытки развития теории деятельности предпринимались и многими другими исследователями советского периода, но большая часть их работ была направлена на использование канонических постулатов теории для обоснования решений частных вариантов конкретных практических задач и носила несистемный, часто идеологический характер.

В теоретическом плане в канонических вариантах психологической теории деятельности можно выделить теоретические схемы С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Г. Асмолова, В.В. Давыдова, Г.В. Суходольского. Каждая из них претендовала в свое время на полноту используемого системно-концептуального базиса, достаточного, по мнению авторов, для создания объяснительных моделей в психологии, но по тем или иным причинам не была востребована и завершена.

Ключевым в теории деятельности является вопрос о возможностях и границах применимости системной методологии в гуманитарно-историческом знании. На него и в настоящее время нет ответа. По мнению В.П. Зинченко, создать единую теорию деятельности вообще невозможно, так как это беспредельность, которую нельзя одеть в теоретические одежды. Критикуются чрезмерный детерминизм теории, неспособной объяснить творческое и спонтанное начало в человеке, и выраженная технократическая установка, в которой человек рассматривается как автомат, лишенный свободы выбора [Зинченко 1993]. Проблемы психологической теории деятельности особенно обострились с появлением новых задач практической психологии при объяснении эффектов организованной сложности, возникающих в современном техногенном мире [Сергеев 2014]. Показаны несостоятельность и некоторая беспомощность теории деятельности в вопросах прогнозирования и анализа будущих результатов в сетевых структурах глобальных коммуникаций. Оказались недостаточными используемые в теории понятия обратной связи, регулирования и адаптации [Сергеев 2012]. Рациональные подходы в последнее время также вызывают сомнения исследователей. Налицо кризис теоретической психологии, неизбежно ведущий к изменению ее базиса и поиску альтернатив.

Все в ожидании появления новой теории психического, и нужно сказать, что, по нашему мнению, уже намечены контуры нового концептуального базиса, который можно назвать «постнеклассической теорией деятельности». Пока это только симбиоз представлений из классической психологии и теории самоорганизующихся систем и сред, рассматривающий функционирование социальных и биологических аутопоэтических систем, их взаимодействие, развитие и эволюцию. Однако методологические основы постнеклассической теории деятельности уже отчетливо заметны и отражены в работах В.А. Лекторского и В.С. Степина, развивающих представления неклассической и постнеклассической рациональности в рамках концепции эпистемологического конструктивизма [Князева 2006]. В ней последовательно объединяются синергетическая парадигма (С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий), энактивизм (Ф. Варела, Е.Н. Князева, М. Мерло-Понти, Э. Рош, Э. Томпсон), радикальный и социальный конструктивизм (Э. фон Глазерсфельд, Н. Луман), социальный конструкционизм (К.Дж. Джерджен), теория аутопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела) и парадигмы сложности в саморазвивающихся сетевых и рефлексивных средах (В.И. Аршинов, К. Майнцер, В.Г. Буданов, К.Х. Делокаров, В.Е. Лепский).

Несмотря на бурное развитие этого дискурса, говорить о его глубоком психологическом наполнении, ведущем к созданию неклассической и постнеклассической психологической теории деятельности, еще рано. Однако проблемы самоорганизации психики уже имеют самостоятельное значение в исследованиях, связанных с эволюцией сетевого мира и техногенной среды [Глобальное будущее... 2013], учитываются при анализе работы социальных и сложных эргатических и образовательных систем.

Не все опубликованные к настоящему времени работы, использующие термин «постнеклассическая психология», в действительности имеют к ней отношение. Чаще всего это обновленные варианты старых классических деятельностных схем. Но в тоже время наблюдается интерес исследователей к процессам самоорганизации живой природы, когнитивным моделям эволюционирующего сложного, сетевого и квантового представления, лежащим в основе работы человеческого мозга и сознания [Аршинов, Буданов 2018; Князева 2015; Петренко 2018].

Говоря о теории деятельности в целом, нельзя не отметить ее позитивного влияния на возрождение и развитие отечественной психологии,

особенно ее общепсихологического базиса [Лекторский, Гараи 2015]. Она перевела психологию из области представлений здравого смысла и практики в сферу научного знания, дала возможность появления и развития в рамках единого методологического базиса многим направлениям научно-практической деятельности, привела к возникновению эффективных научных школ и перспективных областей научных исследований в психологии.

Можно надеяться, что новые направления теоретических исследований в психологии, основанные на современных редакциях и методологии деятельностного подхода, смогут избежать влияния идеологием современного мира, позволят открыть новый этап развития российской и мировой психологии. В противном случае мы вновь незаметно для себя окажемся в объятиях новой идеологии, и все повторится по замкнутому циклу социальной самоорганизации.

Выводы

1. Канонизированные варианты теории деятельности, представленные в трудах представителей Московской и Ленинградской психологических школ А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, являются психологическими и психологизированными интерпретациями положений философии диалектического материализма.

2. Теория деятельности оказала огромное влияние на теорию и практику государственного строительства в СССР, став научно-психологическим и идеологическим обоснованием социалистической административно-командной системы и методов директивного управления.

3. Идеологические корни психологической теории деятельности связаны с доминированием в базисе советской науки вульгарной, упрощенной формы материализма в виде философии марксизма-ленинизма, постулирующей примат общественного над индивидуальным, обосновывая диктатуру пролетариата и авторитаризм.

4. Теория деятельности в ее канонических вариантах является в известной мере компромиссом между научной психологией, коммунистической идеологией и материалистической философией, что ведет к некоторой ее научной ограниченности, догматичности и незавершенности.

5. Запросы практики и изменение статуса психологии в современном мире требуют новых подходов к развитию психологиче-

ской теории деятельности, основанных на достижениях науки с новым теоретическим базисом, очищенным от идеологических наслоений прошлого.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александров 1992 – Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. – СПб: Наука, 1992.

А.Н. Леонтьев... 1983 – А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой (отв. ред.), А.К. Тихомирова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Аршинов, Буданов 2018 – Аршинов В.И., Буданов В.Г. Концепция сети в оптике парадигмы синергетической сложности // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 49–58.

Асмолов 1997 – Асмолов А.Г. У порога неклассической психологии // Сибирский психологический журнал. 1997. № 7. С. 24–39.

Братусь 2013 – Братусь Б.С. «Слово» и «дело»: к истории научных отношений А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 18–24.

Глобальное будущее... 2013 – Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. – М.: Издательство МБА, 2013.

Джонс 2009 – Джонс П. Ильенков и методологические проблемы современной «теории деятельности» // Логос. 2009. № 1 (69). С. 133–150.

Дубровский 1994 – Дубровский Д.И. Психика и мозг: Результаты и перспективы исследований // Мозг и разум / отв. ред. Д.И. Дубровский. – М.: Наука, 1994.

Дубровский 2018 – Дубровский Д.И. Феномен слепоглухоты. Еще раз о Загорском эксперименте (о фактах фальсификации, ее защитниках и об актуализации проблемы) // Философские науки. 2018. № 1. С. 89–117.

Журавлев, Ушаков 2011 – Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.

Зинченко 1993 – Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1993. № 2. С. 41–50.

Зинченко, Моргунов 1994 – Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – М.: Тривола, 1994.

Зинченко 2013 – Зинченко В.П. Психология действия. Вклад Харьковской психологической школы // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 92–107.

Иванников 1999 – *Иванников В.А.* А.Н. Леонтьев глазами студента и сотрудника // Мир психологии. 1999. № 1. С. 11–14.

Ильенков 2009 – *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1 (69). С. 6–62.

Князева 2006 – *Князева Е.Н.* Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. С. 133–152.

Князева 2015 – *Князева Е.Н.* Универсальный эволюционизм: паттерны, которые связывают // Философские науки. 2015. № 3. С. 90–103.

Лекторский, Гараи 2015 – *Лекторский В.А., Гараи Л.* О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 25–37.

Леонтьев 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев 2003 – *Леонтьев А.А.* Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. – М.: Смысл, 2003. 122 с.

Леонтьев, Леонтьев 2003 – *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* Миф о разрыве: А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский в 1932 году // Психологический журнал. 2003. № 1. С. 14–21.

Маркс 1955 – *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. С. 1–4.

Маркс 1974 – *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. – М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.

Орлов 2003 – *Орлов А.Б.* А.Н. Леонтьев – Л.С. Выготский: очерк развития схизиса // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 70–85.

Петренко 2018 – *Петренко В.Ф.* К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 89–101.

Платонов 1972 – *Платонов К.К.* О системе психологии. – М.: Мысль, 1972.

Сергеев 2012 – *Сергеев С.Ф.* Регуляция, саморегуляция, самоорганизация, саморазвитие в понятийном базисе психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 238–259.

Сергеев 2014 – *Сергеев С.Ф.* Эргономика и инженерная психология техногенного мира: вопросы методологии и теории // Труды международной научно-практической конференции «Психология труда, инженерная психология и эргономика 2014» (Эрго 2014) (Санкт-Петербург, Россия, 3–5 июля 2014) / под ред. А.Н. Анохина, П.И. Падерно, С.Ф. Сергеева. – СПб. Межрегиональная эргономическая ассоциация, 2014. С. 35–42.

Смирнов 1993 – Смирнов С.Д. Общепсихологическая теория деятельности: перспективы и ограничения (к 90-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 94–101.

Сонин 1994 – Сонин А.С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. – М.: Физматлит, 1994.

Суходольский 1988 – Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

Суходольский 2006 – Суходольский Г.В. О Ленинградской/Санкт-Петербургской и Московской психологических школах // Петербургская школа психологии: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Л.А. Цветковой, А.А. Крылова. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 328–332.

Энгельс 1976 – Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – М.: Политиздат, 1976. С. 269–317.

Юдин 1978 – Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978.

REFERENCES

Alexandrov V.Y. (1992) *Difficult Years of Soviet Biology*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Arshinov V.I. & Budanov V.G. (2018) The Concept of the Network in the Optics of the Synergetic Paradigm of Complexity. *Voprosy filosofii*. 2018. No. 3, pp. 49–58 (in Russian).

Asmolov A.G. (1997) On the Verge of Non-Classical Psychology. *Siberian Journal of Psychology*. 1997. No. 7, pp. 24–39 (in Russian).

Bratus B.S. (2013) The “Word” and the “Deed»: On the history of Scientific Relations between A.N. Leontiev and L.S. Vygotsky. *National Psychological Journal*. 2013. No. 1, pp. 18–24 (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1994) Psyche and Brain: Results and Prospects of Research. In: Dubrovsky D.I. (Ed.) *Brain and Mind*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dubrovsky D.I. (Ed.) (2013) *Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanism Evolution*. Moscow: Moscow Pub. (in Russian).

Dubrovsky D.I. (2018) The Phenomenon of Deafblindness. Once Again about the Zagorsk Experiment (On the facts of falsification, its defenders and on the actualization of the problem). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 1, pp. 89–117 (in Russian).

Engels F. (1976) *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 21, pp. 269–317). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Ilyenkov E.V. (2009) Dialectics of the Ideal. *Logos*. 2009. No. 1, pp. 6–62 (in Russian).

Ivannikov V.A. (1999) A.N. Leontiev through the Eyes of a Student and an Employee. *Mir psikhologii*. 1999. No. 1, pp.11 (in Russian).

Jones P. (2009) Ilyenkov and Methodological Problems of Modern “Theory of Activity.” *Logos*. 2009. No.1, pp. 133–150 (in Russian).

Knyazeva H.N. (2006) Epistemological Constructivism. In: *Philosophy of Science. Issue 12: Phenomenon of Consciousness* (pp. 133–152). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Pub. (in Russian).

Knyazeva H.N. (2015) Universal Evolutionism: Patterns Which Connect. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2015. No. 3, pp. 90–103 (in Russian).

Lektorsky V.A. & Garai L. (2015) The Theories of Activity: A Dialogue about How Successful They Were and What They Lack. *Voprosy filosofii*. 2015. No. 2, pp. 25–37 (in Russian).

Leontiev A.N. (1975) *Activity, Consciousness, Personality*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Leontiev A.A. (2003) *The Life and Creative Path of A.N. Leontiev*. Moscow: Smysl (in Russian).

Leontiev A.A. & Leontiev D.A. (2003) The Myth about the Breakup: A.N. Leontiev and L. S. Vygotsky in 1932. *Psikhologichesky zhurnal*. 2003. No. 1, pp. 14–21 (in Russian).

Marx K. (1955) *Theses on Feuerbach*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 3, pp. 1–4). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Marx K. (1974) *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 42, pp. 41–174). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Orlov A.B. (2003) A.N. Leontiev – L.S. Vygotsky: An Essay on the Development of Division. *Voprosy psikhologii*. 2003. No. 2, pp. 70–85 (in Russian).

Ovchinnikov O.V., Tikhomirov A.K., Zaporozhets A.V., & Zinchenko V.P. (Eds.) (1983) *A.N. Leontiev and Modern Psychology (Collected Articles in Memory of A.N. Leontiev)*. Moscow: Moscow University Press (in Russian).

Petrenko V.F. (2018) On the Problem of Collective Unconscious in the Framework of Philosophy of Post-Non-Classical Rationality and Constructivism Psychology. *Voprosy filosofii*. 2018. No. 2, pp. 89–101 (in Russian).

Platonov K.K. (1972) *On the System of Psychology*. Moscow: Mysl (in Russian).

Sergeev S.F. (2012) Regulation, Self-Regulation, Self-Organization, Self-Development in the Conceptual Basis of Psychology. In: Bodrov V.A. & Zhuravlev A.L. (Eds.) *Actual Problems of Psychology of Work, Engineering Psychology and Ergonomics* (Issue 4, pp. 238–259). Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Pub. (in Russian).

Sergeev S.F. (2014) Ergonomics and Engineering Psychology of the Technogenic World: Issues of Methodology and Theory. In: Anokhin A.N.,

Paderno P.I., & Sergeev S.F. (Eds.) *Proceedings of the international scientific and practical conference "Psychology of labor, engineering psychology and ergonomics 2014" (Ergo 2014) (Saint Petersburg, Russia, July 3–5, 2014)* (pp. 35–42). Saint Petersburg: Interregional Ergonomic Association (in Russian).

Smirnov S.D. (1993) General Psychological Theory of Activity: Prospects and Limitations (On the 90th Anniversary of the Birth of A. N. Leontiev). *Voprosy psikhologii*. 1993. No. 4, pp. 94–101 (in Russian).

Sonin A.S. (1994) *"Physical idealism": History of One Ideological Campaign*. Moscow: Fizmatlit (in Russian).

Sukhodolsky G.V. (1988) *Foundations of the Psychological Theory of Activity*. Leningrad: Leningrad University Press (in Russian).

Sukhodolsky G.V. (2006) On the Leningrad (Saint Petersburg) and Moscow Psychological Schools. In: Krylov A.A. & Tsvetkova L.A. (Eds.) *Saint Petersburg School of Psychology: Past, Present, Future* (pp. 328–332). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press (in Russian).

Yudin E.G. (1978) *System Approach and Principle of Activity*. Moscow: Nauka (in Russian).

Zinchenko V.P. (1993) Cultural-Historical Psychology and Psychological Theory of Activity: Live Contradictions and Points of Growth. *Bulletin of Moscow State University. Series 14: Psychology*. 1993. No. 2, pp. 41–50 (in Russian).

Zinchenko V.P. (2013) Psychology of action. The contribution of the Kharkov psychological school. *Cultural-Historical psychology*. 2013. No. 1, pp. 92–107 (in Russian).

Zinchenko V.P. & Morgunov E.B. (1994) *Developing Man. Essays on Russian Psychology*. Moscow: Trivola (in Russian).

Zhuravlev A.L. & Ushakov D.V. (2011) Fundamental Psychology and Practice: Issues of Interaction. *Psikhologichesky zhurnal*. 2011. No. 3, pp. 5–16 (in Russian).